

Как Дугин и Лимонов придумали НБП: отрывок из книги «Черный ветер, белый снег»

В «Фантом Пресс» выходит книга американского журналиста Чарльза Кловера «Черный ветер, белый снег» — история русского евразийства и его адептов. «Афиша Daily» публикует фрагмент главы «Бал у Сатаны» — о событиях 1993 года, создании Национал-большевистской партии и конфликте между ее основателями.

Межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» была запрещена в соответствии с решением Московского городского суда от 19.04.2007

Чарльз Кловер

В недавнем прошлом глава московского бюро газеты The Financial Times (2008–2013), сейчас корреспондент того же издания в Китае

Дугин ушел из Белого дома под утро, понимая, что сейчас произойдет. Он вернулся к себе домой и, сложив вещи, ждал ареста: «Я был одним из идеологов, я был уверен, что за мной придут, но они не пришли. Мы все ждали репрессий, но репрессий не было». Напротив, его пригласили принять участие в популярном тогда телешоу «Красная площадь» и рассказать о своей роли в неудавшемся перевороте.

Кремль явно попытался пойти иным путем: мятежники не подверглись, как можно было ожидать, репрессиям, практически никого из них не тронули. Многим даже предоставили возможность вернуться в политику. Проханов несколько месяцев прятался в лесах, но выяснилось, что его никто не ищет. Власти закрыли газету «День», но почти сразу же Проханову разрешили открыть другую газету, «Завтра».

Этот неожиданный поворот событий показывал, как меняется стратегия Ельцина: перебив значительное число представителей оппозиции, он теперь готов был кооптировать оппозиционеров во власть, провести выборы, к участию в которых была допущена Коммунистическая партия. А после выборов были амнистированы и лидеры антиправительственного заговора. Ельцин также добился принятия новой конституции, наделявшей президента, по сути, чрезвычайными полномочиями и лишавшей власти парламент, — таким образом был узаконен фактический расклад сил, сложившийся после 1993 года. Оппозиция ни разу больше не имела возможности (или желания) противостоять Ельцину в существенных вопросах.

Вся мощь государства вновь была сосредоточена в руках Кремля. Прежний СССР не сумел и пальцем шевельнуть, чтобы спасти себя в 1991 году, когда маршал Язов не мог сообразить, «во имя кого» стрелять по демонстрантам. Теперь государство вполне, даже слишком откровенно явило себя

у «Останкино» и Белого дома — все тем же не знающим сомнений методичным убийцей, каким был и Советский Союз. Но конфликт 1993 года изменил соотношение сил в России. Обстрел парламента укрепил позиции Ельцина — и в то же время подорвал их. Его рейтинг резко упал с 59 до 3%, на новых выборах коммунисты и либеральные демократы победили с большим отрывом и составили мощную оппозицию Ельцину.

ЛДПР была вознаграждена за решение сохранять во время мятежа нейтралитет: она получила кое-какие кабинеты в Кремле и благожелательное освещение по телевидению. Жириновский и его заместитель Алексей Митрофанов пережили кризис в Германии («как настоящие революционеры-большевики», шутил Митрофанов), и Жириновский появился в Белом доме уже после разгрома мятежа с бутылками вина из дьюти-фри. «Это коктейли Молотова», — бросил он депутатам, сомневающимся в его приверженности патриотам. 25% голосов избирателей по партийному списку обеспечили ЛДПР такое количество мест в парламенте — при небольшом личном составе партии, — что среди депутатов оказались даже телохранители, а поскольку и после этого оставались вакантные места, жириновцы пригласили нескольких кандидатов из компартии, из списка Зюганова. Новые выборы в Думу оказались внезапной удачей, по мнению Лимонова, «просто подарком с неба для умеренной коммунистической номенклатурной оппозиции... В нормальной, непарламентарной ситуации политической борьбы их ждали только тапочки да споры за чаем».

Подробности по теме

Эдуард Лимонов о митингах, литературе и потенции

[Эдуард Лимонов о митингах, литературе и потенции](#)

Большинство обозревателей сочли это частью какой-то масштабной сделки, заключенной Ельциным: возможно, он допустил к выборам некоторые националистические партии в обмен на поддержку новой конституции. Амнистия в феврале 1994 года, освобождение Руцкого, Хасбулатова и других лидеров мятежа 1993 года также воспринимались как политический компромисс. Вскоре парламент прекратил расследование гибели 173 человек (таковы были официальные цифры) в «Останкино» и при обстреле Белого дома.

Но о силе националистического движения можно судить и по тому рвению, с каким Ельцин спешил превратить его в своего союзника. Ельцин вынужден был принять идеи своих оппонентов, чтобы удержаться у власти, его команда доказала, что способна править, проявив достаточно цинизма и беспощадности, и ее идеология постепенно адаптировалась к российским реалиям. В очередной раз Ельцин украл программу своих оппонентов. Раньше он позаимствовал идею реформы у Горбачева, теперь перенимал националистическую идеологию. Он выдвинул множество инициатив, позволявших ему обойти националистов справа: реанимировал Союз как Содружество Независимых Государств и договорился о союзе с Белоруссией; новый, избранный в 1994 году президент Александр Лукашенко это одобрил. Ельцин стал поддерживать националистические проекты — например, Кремль настоял на решении отстроить храм Христа Спасителя в центре Москвы, который был снесен в 1932 году, и на его месте Сталин распорядился строить бассейн. Ельцин предоставил Государственной думе полную свободу принимать законы по национальным и религиозным вопросам и в 1996 году создал особую

комиссию для разработки русской «национальной идеи».

Дугин и многие другие крайне правые подтверждают, что после октябрьских событий почувствовали сильный сдвиг в отношении Кремля — в сторону национализма и прочь от Запада. «Ельцин внес коррективы, заметные коррективы, — говорит Дугин. — Он выхолостил оппозицию политически, но при этом скорректировал, изменил и усовершенствовал собственный политический курс».

Методом кнута и пряника Ельцин расколол националистов, коммунисты и ЛДПР вошли в парламент и никогда больше не бросали Кремлю вызов. Дугин и Лимонов отказались присоединиться к ним. Признавая, что следующие шесть лет ельцинского правления прошли для них впустую, Дугин писал:

«Едва ли мы, проигравшая, униженная, раздавленная тогда сторона, можем чем-то похвастаться... Но мы сохранили главное — пусть рассеянно, несжато, разлито и рассредоточенно, — но сохранили, точно сохранили Дух, повеявший тогда. Пусть он пока еще не горит, но он явно тлеет, жжется, болит в нас, мучит нас».

То, чему он стал свидетелем, навсегда изменило его, говорит Дугин. В телешоу «Красная площадь» его спросили, разделяет ли он ответственность за гибель людей. Этот вопрос потряс его, но он ловко с ним справился, выпалив: «Да, но кровь на руках у вашего Ельцина, убийцы!» Ответ прозвучал на одном дыхании, его невозможно было отредактировать, и интервью сняли с эфира. Тем не менее «это была травма». Дугин на время отошел от политики.

Лимонов тоже был деморализован и разочарован националистическим движением после катастрофы 1993 года. Он хотел создать настоящую оппозиционную партию, ему требовалась идеология, «основывающаяся не на этнических эмоциях, визгах дремучих людей. Основывающаяся не на несостоятельном и несовременном мировоззрении, но на таком понятии, как национальные интересы».

Однажды весной 1994 года эти двое встретились дома у Лимонова. Лимонов предложил превратить Национал-большевистский фронт, который они создали годом ранее, в партию. Дугина эта идея не привлекала. С тех пор как он в 1988 году вышел из «Памяти», он дал себе зарок не вступать в политические организации, а опыт октября и вовсе отбил у него желание принимать участие в политике. Он согласился помочь в организации НБП, но отказался от официального поста в ней. Однако со временем Дугин передумал. Когда они обсуждали проект в пивном павильоне на Арбате, Дугин подался ближе к Лимонову и сказал: «Вам, Эдуард, воину и кшатрию, надлежит вести людей, а я — жрец, маг, Мерлин, моя роль женская — объяснять и утешать».

На самом деле партия оказалась вполне детищем Дугина, он придумал ее название и флаг — черные молот и серп в белом круге на красном фоне, живо напоминающий фашистский флаг со свастикой. Это едва ли могло привлечь избирателей в стране, потерявшей в войне против Гитлера 20 миллионов человек, но НБП не интересовалась голосами избирателей. Хорошо смотрелось и партийное приветствие — выброшенная прямо вверх рука со сжатым кулаком и клич «Да, смерть!». В штаб-квартире партии к старшему из присутствующих членов партии неизменно обращались как к «бункерфюреру». Эти «декорации фашизма» были тщательно продуманы, по словам Дугина, все и замышлялось как божественный «политический арт-проект». По словам же Лимонова, «он как бы расшифровывал и переводил тот яркий шок, который советский ребенок испытывал, слыша аббревиатуру SS».

Ироническое отношение НБП к фашизму — еще один тонко рассчитанный штрих. Их формы приветствия, их лозунги («Сталин, Берия, ГУЛАГ», например) казались столь нелепыми, что граничили с пародией. Однако, оснастив свою партию фашистской символикой, Дугин положил начало тенденции, которая в следующем десятилетии будет определять образ России под авторитарной властью Путина. НБП действовала по принципу «визуального гэгэ», который заранее подрывал любую возможность критики, намекая — очень тонко, — что эта критика едва ли по адресу. Называть размахивающих флагом со свастикой, марширующих гусиным шагом нацболов фашистами казалось так странно, что никто этого не делал — из страха показаться смешным. И Дугин, и Лимонов инстинктивно отталкивались от традиционных правил. Им нравилось шокировать публику. И в новом движении смешалось то, что принес каждый из них: Дугин был продуктом интеллектуальной московской богемы 1980-х, а Лимонов — пересаженным на московскую почву порождением Нижнего Ист-Сайда Манхэттена 1970-х.

Лимонову было все равно, как назвать партию. Дугин рассказал в 2008 году американским дипломатам (расшифровка разговора была опубликована в 2010 году Wikileaks): «Он перебирал названия — «национал-социализм», «национал-фашизм», «национал-большевизм». Идеология не его конек. Ему важно было стать гласом вопиющего в пустыне».

Дугин сравнил Лимонова (к этому времени они смертельно поссорились) с «клоуном из бродячего цирка. Чем лучше выступит, чем больше привлечет внимания, тем больше радуется». В ту же пору, давая мне интервью, Лимонов заклеил Дугина как «вырожденца, прислужника режима, жалкого конформиста».

Не стоит рассматривать НБП как серьезную политическую партию с ясными целями: в ее устав входит пункт, согласно которому парень «вправе не слушать, о чем болтает его девушка», членов партии призывали громить кинотеатры, в которых шли западные фильмы (хотя никто не припомнит, чтобы от призыва хоть раз перешли к действиям). Из НБП, как надеялись, должна была вырасти новая контркультура, ее рассматривали как семя «негражданского общества», по выражению Андреаса Умландта, специалиста по русским националистическим движениям. Такие группы не ставят себе задачей захватить исполнительную или законодательную власть, а ведут подрывную работу, направленную на приобретение влияния в культурной надстройке. НБП претендовала быть «иконой стиля». «У молодежи в 1990-е оставалось три пути, — поясняет нацболовский ветеран Андрей Карагодин. — Рейв, мафия или НБП. Больше ничего».

Александр Дугин и Эдуард Лимонов, 1994 год

© ТАСС

Лимонов завербовал своего друга Егора Летова, солиста популярной группы «Гражданская оборона». Егор получил членский билет НБП за номером 4. Скоро его слушатели привыкнут к тому, что Егор прерывает свои выступления длинными речами против Ельцина и за НБП. Среди

бывших членов партии найдется немало представителей творческих профессий. Захар Прилепин, присоединившийся к движению несколько позднее, станет одним из самых многообещающих молодых писателей России (парадоксальным образом его профессиональная карьера началась в ОМОНе). Алексей Беляев-Гинтовт получит престижную премию Кандинского за достижения в области искусства, а сам Карагодин будет одним из руководителей русского Vogue.

НБП исследовала границы свободы, и в этом смысле Лимонов и Дугин представляли собой два противоположных полюса: по одну сторону — анархия русского духа, по другую — всегда присутствующие порывы к тоталитаризму, которые вот уже пятьсот лет управляют русской душой. Партия, заигрывавшая с идеями фашизма, как рыба в воде чувствовала себя в либертинской Москве 1990-х — наглядная демонстрация парадокса свободы в сочетании с приманкой авторитарной альтернативы. Говоря словами Летова, «все, что не анархия, — фашизм, анархии же не существует». Синтез этих тезиса и антитезиса, диалектически противопоставленных в условиях ельцинской России, стал очевиден в следующем десятилетии. Нацболы первыми стали объединять молодежь, а в эпоху Путина такие движения широко распространились в ответ на призыв Кремля взять под контроль улицу. «Они украли все наши идеи», — жаловался мне в 2011 году Лимонов. Он так и остался вопиющей совестью путинской эры, самым заметным диссидентом при новом режиме, в то время как Дугин стал идеологом новой автократии.

Первый выпуск газеты, издаваемой Лимоновым (с удачным названием «Лимонка» — как ручная граната Второй мировой войны), вышел в 1994 году. Передовица обличала «старую оппозицию», противопоставляя ей «новую». Дугин развивал идею, на которой была основана новая партия, доказывая, что принципиальное отличие между старой и новой оппозицией заключается не в политической идеологии, а в психологии и стиле. «Старые патриоты» пытаются реконструировать старое, а новые патриоты вовсе не реакционеры, «какие бы политические взгляды они ни исповедовали — от коммунизма до монархизма и русского фашизма, — они мыслят наступление нового общества как сугубо революционный, радикально революционный процесс... Их цель — создать нечто принципиально новое».

Найти источники финансирования было нелегко. «Денег фактически не было», — вспоминал Дугин. Поскольку они не могли снять офис, они решили выбить себе помещение шантажом — и, как ни удивительно, это получилось. В декабре они написали московскому мэру требование, содержащее расплывчатые угрозы насчет беспорядков, которые могут начаться в Москве, если им откажут. Лужков, кругленький, простецкого вида специалист по химической промышленности, которого Ельцин поставил во главе столицы, не желал неприятностей и, по-видимому, счел, что подарить квартиру очередной маргинальной группе радикалов-социопатов — невелика цена за обещанное хорошее поведение. Несколько недель спустя им позвонили из мэрии и назначили встречу. Жизнерадостный чиновник принял их и заверил, что «государство будет работать рука об руку с искусством». Им предложили квартиру с арендной платой 17 рублей за квадратный метр в год — «в сущности, даром», заверил Дугин оторопевшего Лимонова.

Они выбрали первый этаж на Фрунзенской улице, поблизости от отделения милиции — тоже не случайно. Дугин вспоминал, что у квартиры имелось «замечательное свойство — время от времени она вся покрывалась

дерьмом, потому что где-то в сливной трубе имелась трещина». Этот «бункер», как его прозвали нацболы, стал штаб-квартирой. Прилепин описывает его в полуавтобиографической повести «Санька»:

Он был схож с интернатом для общественно-опасных детей, мастерской безумного художника и военным штабом варваров, решившихся пойти войной неведомо куда... Было много молодых людей, которые всевозможным образом выстригали волосы на голове — либо не оставляя растительности вообще, либо оставляя челку или ирокез, или даже странные бакенбарды над ушами. Впрочем, встречались совершенно неожиданные юноши с безупречными прическами, в отличных пиджаках, а еще: простые рабочие пацаны, с простыми лицами.

Обзаведясь штабом, Лимонов и Дугин могли бы сплотиться в общей работе, но что-то им мешало. Лимонов — заклятый революционер, вечно воюющий с условностями и установлениями, инстинктивно ненавидящий всякое политическое устройство; Дугин вел себя намного сдержаннее — он продолжал читать лекции в Генштабе и не спешил окончательно рвать отношения с властью. Дугин и Лимонов неоднократно ссорились из-за недостатка экстремизма у Дугина. Дугин с готовностью признает, что останавливал самые радикальные порывы НБП. В 2010 году он сказал мне: «Во время моего членства в НБП, под моим присмотром, можно сказать, не было никаких эксцессов, ни одного уголовного дела. Лимонов планировал и то и другое, но я вовремя нажимал на тормоза. Я не собирался беспричинно нарушать закон».

«Лимонка» так и кипела полемикой и провокациями, но колонка главного редактора, опять-таки под присмотром Дугина, строго придерживалась линии кремлевских консерваторов, которых в ту пору возглавлял телохранитель Ельцина Александр Коржаков, враждовавший с либералами в окружении Ельцина.

Внимательное чтение «Лимонки», по словам ветерана НБП и бывшего приспешника Дугина Аркадия Малера, могло раскрыть глаза: статьи Дугина (он вел раздел «От редакции») были не жестко оппозиционны, а полны нюансов, он хвалил таких кремлевских консерваторов, как Коржаков, одновременно критикуя либеральное лобби в правительстве (особенно Анатолия Чубайса, который проводил приватизацию). Малер уверен, что Дугин уже тогда работал на кремлевских консерваторов, на фракцию, которую до 1996 года возглавлял Коржаков, а Лимонов не желал иметь с ними ничего общего. Версию Малера Дугин отрицает категорически.

В декабре 1994 года Ельцин сделал самую большую, роковую уступку консервативному лобби и начал военную кампанию в Чечне, которая фактически отделилась от Российской Федерации, провозгласив в 1993 году полную независимость от Москвы. Лидером этой независимой республики был бывший летчик и советский генерал Джохар Дудаев. Сначала Москва поддерживала антидудаевскую оппозицию, но все попытки восстановить контроль над автономной республикой под властью сепаратистов оказались тщетными. В декабре 1994 года Ельцин отдал армии приказ «восстановить конституционный порядок» в Чечне. Это вызвало волну увольнений в высшем командном составе. Вместо быстрой хирургической операции по смене режима кампания вылилась в длительную и кровопролитную войну. Российская армия увязла в этом конфликте, по примерным подсчетам потеряв 5500 человек убитыми к моменту заключения мира в 1996 году. Ужасные потери несло

гражданское население Чечни.

Эта кампания стала символом бессилия Ельцина как лидера большой страны, вместе с тем она означала, что в политику Кремля внесены коррективы: после октября 1993 года начался крен от либерализма к национализму. Конфликт спровоцировал несколько чудовищных заголовков в «Лимонке». Когда российские войска вошли в Чечню, газета вышла под шапкой, приветствующей войну. Когда же чеченская столица пала (кто бы мог предвидеть разгром российских войск на будущий год?), очередной заголовок ликовал: «Ура! Грозный взят!» Показательно, что отношение к чеченской кампании изменилось вскоре после того, как между Лимоновым и Дугиным произошел разрыв и статьи от редакции стал писать Лимонов, — теперь газета поддерживала отделение Чечни. Изменилась и установка на революцию — в 2001 году Лимонов был арестован за подготовку теракта в Северном Казахстане. Даже беглое чтение заголовков «Лимонки» подтверждает мнение Малера (пусть его оспаривают и Дугин, и Лимонов): НБП при Дугине действовала в строгих политических рамках. Хотя партия культивировала репутацию «анархической», она никогда не выходила за определенные границы, по-видимому, установленные Дугиным.

Но если у НБП имелась какая-то другая повестка помимо бескомпромиссного нигилизма и радикальной революции рядовым это не было известно. НБП привлекала в свои ряды музыкантов и художников, представителей контркультуры, и через них национализм распространялся в том слое общества, который, казалось, обладал наибольшим иммунитетом. «Лимонка» сотрясла не только Москву, но и застоявшийся воздух российской провинции. Эта газета объединила далекие друг от друга направления молодежной контркультуры. «Пусть не все вступали в партию, но все читали нас», — вспоминал Лимонов. Газета активно занималась вопросами культуры, печатала обзоры авангардного кинематографа, рок-музыки и андеграундной поэзии.

Для тех молодых обитателей российской глубинки, кого душила скучная обстановка шахтерских городов и чудовищная бедность, НБП стала желанным притоком адреналина. Одним из новообращенных был Валерий Коровин, примкнувший к движению в 1995 году. Я встретился с ним десять лет спустя, он все еще оставался учеником Дугина, а в путинские годы стал одним из лидеров евразийского движения. Коровин рассказал мне, как пришел к нацболам.

Подробности по теме

«Екатерина II не изобретала неоевразийство, чтобы завоевать Крым в 1774-м»

[«Екатерина II не изобретала неоевразийство, чтобы завоевать Крым в 1774-м»](#)

Его детство пришлось на 1980-е годы, он рос во Владивостоке и принадлежал к основной аудитории НБП: молодой, талантливый, разочарованный. Был, как сам себя называет, музыкальным фанатом и видел телеинтервью Летова, который призывал к революции и свержению «режима Ельцина», — в этот самый момент передача прервалась рекламой. Коровин вспоминал: «Я понял, что я на обочине, сижу тут во Владивостоке, «посреди ничего», а тем временем в Москве Летов и Лимонов, чье имя я слышал впервые, планируют мировую

революцию. Я должен был попасть туда, стать частью этого». Он сел на поезд, приехал в Москву, поступил в Московский государственный строительный институт и разыскал Лимонова, застав его в окружении десятка приверженцев в штабе на Фрунзенской. «Я был настроен радикально, пусть мне дадут бомбу или гранату и скажут, куда бросить. Очень я был серьезен. Они стали меня успокаивать: «Полегче, сначала нужно подготовиться». Дугин сидел в дальней комнате, голый по пояс, усердно печатал, вокруг громоздились книги и бутылки пива. Была суббота, день обязательной уборки. Лимонов, вспоминая Коровина, окликнул Дугина: «Саша! Зачем эти бутылки?» «Необходимы мне для работы», — спокойно ответил Дугин.

«Они хорошо сработались, — вспоминает Коровин. — Дугин был философом, метафизиком, он работал головой. Лимонов — весь на публику. Он был нужен для публичных действий. Для радикальной революции».

Но постепенно эти двое разошлись. Лимонов оказался не первым соратником, с которым у Дугина испортились отношения. В автобиографии Лимонов описывает своего «Мерлина» так: «злопамятен, разрушитель, тотально ревнив». В 1995 году НБП с треском проиграла парламентские выборы — и между Лимоновым и Дугиным впервые пробежала черная кошка. Дугин считал, что Лимонов даже не пытается войти в истеблишмент, и потому завязал отношения с Жириновским и ЛДПР. «Мерлин смотрел в лес, выискивая себе нового короля Артура», — пишет Лимонов в автобиографии. Коровин почувствовал это напряжение в воздухе. Всем в НБП уже было ясно, что, «оставаясь с Лимоновым, Дугин не может поддерживать связи с истеблишментом, не может обращаться к Думе, министрам. Лимонов строил маргинальную партию». Лимонов любил контркультуру, божественные проекты, ему, «вечному недовольному», неудобно было в любой роли, кроме роли крайнего и упорного оппозиционера. У Дугина амбиции были более серьезные. «Я тянул его назад», — признает теперь Лимонов.

Напряжение росло и в самой партии, она раскалывалась на интеллектуалов, примыкавших к Дугину, и «шахматистов», «молодых люмпенов», которые, по словам Коровина, только тем и занимались в бункере на Фрунзенской, что играли в шахматы или тягали штанги.

В 1997 году разрыв между Лимоновым и Дугиным усугубился: Дугин перешел к старообрядцам, ушедшим из-под власти Московского патриарха в XVII веке. Первые евразийцы оказывали этой церкви предпочтение как исконной вере русских до Золотой Орды. К тому же незадолго до того вышла книга Александра Эткинды, профессора истории Кембриджского университета, «Хлыст», в которой рассматривалась роль православной церкви в формировании эсхатологического мировоззрения большевиков. Лимонов в автобиографии сетовал, что Дугин заставил всех членов партии купить и прочесть эту книгу.

Каковы бы ни были причины религиозного обращения Дугина, ему удалось увести с собой к старообрядцам еще девятерых нацболов. Более того, он заказал монахам старообрядческого Преображенского монастыря пошить черные косоворотки на всю партию. По словам Коровина, который тоже пришел вместе с Дугиным к старообрядцам и поныне отращивает длинную развевающуюся бороду, «переход Дугина к старообрядцам разозлил Лимонова, тем более когда за ним последовали самые активные члены партии и начали поститься, отпустили бороды, пошили

косоворотки, стали ходить в церковь». Лимонов во всеуслышание критиковал Дугина. «Дугин с ума сошел, — заявил он на одном собрании. — Он вас зомбирова́л, вы следуете за ним, как слепые кроты. Забыли о партии, о революции. Забудьте вы это дерьмо».

Фракция Дугина отращивала бороды и одевалась в черное. Лимонов считал увлечение Дугина его очередной блажью и успокаивал себя, что это пройдет. «Однако партия вовсе не должна была следовать всем интеллектуальным и религиозным увлечениям Мерлина». Хуже того, Дугин бросил пить, и «шахматная фракция» восприняла это как крайнее проявление нелояльности. В 1997 году он еще и лекцию прочел о необходимости отсрочить революцию, поскольку прежде чем проливать кровь, нужно создать новый тип человека — «философского русского». «А уж потом, когда-то, в неопределенном будущем мы, возможно, сможем приступить к революции», — передает в автобиографии Лимонов основную мысль этой речи. И как только Дугин убежал из бункера, торопясь на радиопередачу, Лимонов дезавуировал его призыв самосовершенствоваться: «Я сказал, что партия — это не кружок совместного изучения литературы и искусства. Партия ставит перед собой задачи политические. Самосовершенствование не есть политическая задача. Никто не против вашего самосовершенствования, но занимайтесь им, что называется, в свободное от выполнений заданий партии время».

Так движение раскололось из-за богословских вопросов. Последней каплей стал скандал из-за 248 рублей, которые пропали из партийной кассы: обе группировки тыкали пальцами друг в друга. Дугин опубликовал в «Лимонке» большую статью, понося «попивающих пиво, играющих в шахматы, боксирующих... бесполезных полудурков». Верные Лимонову нацболы оскорбились и потребовали извинений. Дугин предпочел покинуть партию, уводя с собой девять приверженцев, включая Коровина. Он оборудовал офис в библиотеке рядом с Новодевичьим монастырем, развесил на стенах кабинета постмодернистские постеры в стиле ар-нуво. За несколько недель или месяцев до окончательного разрыва с Лимоновым Дугин уже начал сближаться с политическим истеблишментом, о чем свидетельствовала публикация новой книги, которая изменила судьбу Дугина, а может быть, и России. «Дугин успел переквалифицироваться в великого жреца Геополитики», — писал Лимонов.

Издательство «Фантом Пресс», 2017, Москва, пер. Л.Сумм